

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Комментарий от редакции

Публикуя текст С.Н. Корсакова о работе Института философии АН СССР в годы Великой Отечественной войны, обращаем внимание читателя на то, что именно в эти годы в составе Института появился сектор философских проблем естествознания, который тогда же начал успешно работать.

С.Н. Корсаков

Институт философии и Великая Отечественная война*

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

В статье рассказывается о повседневной жизни Института философии в военное время, о научной работе философов, о политических репрессиях и смене руководства Института. В период Великой Отечественной войны Институт философии был разделён на Московское и Алма-Атинское отделения. Большинство сотрудников находилось в эвакуации и продолжало работать, ориентируясь на военную тематику. Наиболее значительными событиями в научной жизни Института военных лет были защита докторской диссертации Г. Лукачем, выход в свет III тома «Истории философии» и обсуждение учебников логики В.Ф. Асмуса и Э.Я. Кольмана. В 1944 г. произошла смена руководства Института: сторонники Г.Ф. Александрова сменили сторонников М.Б. Митина. Для этого Г.Ф. Александров воспользовался письмом З.Я. Белецкого о третьем томе «Истории философии». Одним из важных моментов в смене философского руководства стал арест некоторых сотрудников Института – сторонников Митина.

Ключевые слова: советская философия, Великая Отечественная война, Институт философии, сталинизм

* При поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00244 «Институт философии РАН в период сталинизма».

Чтобы верно осознавать самих себя, нам нужно ясно и объёмно представлять, какими были наши предшественники в Институте философии на Волхонке, 14, что занимало их мысли, как они вели себя в сложных жизненных ситуациях. Только так формируется традиция, без которой не живет философия. Рассказ о вкладе Института философии АН СССР в Победу в Великой Отечественной войне включает в себя не только вопросы об участии работников Института в боевых действиях, о судьбах сотрудников и аспирантов, отдавших свои жизни за Победу, но и о повседневной жизни Института в военные годы – в эвакуации и в Москве, о научной работе Института, которая не прекращалась, о политических репрессиях в отношении философов, которые были и в военное время, о смене руководства Института и о перестройке идеологической и научной работы в связи с окончанием войны. Вот эти «мирные» военные сюжеты мы и рассмотрим.

Повседневная жизнь Института. Эвакуация

После ухода на фронт значительной части сотрудников общее число работающих в Институте составляло 23 человека¹. Институт сразу же после начала войны был переведён на военный режим работы. Сотрудникам были выданы противогазы, и они были обязаны с ними являться на работу. Было отменено свободное посещение – все сотрудники и аспиранты должны были находиться в Институте в рабочие дни. Правда, вскоре вернулись к обычному режиму посещения – вторник-четверг (в остальные дни оставались дежурные). Был проведён инструктаж по противовоздушной обороне и назначены ответственные за зашторивание окон по окончании рабочего дня. Из сотрудников была сформирована группа самозащиты здания, включавшая противопожарное, противохимическое, санитарное звенья и звено охраны общественного порядка.

Большая работа была проведена в связи с эвакуацией. Ведь эвакуировались не только сотрудники, но и члены их семей. Общий список, составленный перед началом эвакуации, включал 146 человек². Им были выплачены подьёмные. Эвакуация сотрудников была проведена раньше намеченного времени. Директор Института П.Ф. Юдин был вхож в высшее руководство страны и мог получать оперативную информацию об изменении линии фронта. В середине октября под Москвой сложилось критическое положение. В ночь с 15 на 16 октября Юдин лично руководил эвакуацией. Сотрудники были подняты с постелей, собрали вещи и отправились на вокзал. В эвакуацию отправились З.Я. Белецкий, В.Ф. Берестнев, Б.Э. Быховский, Н.П. Васильев, Э.Я. Кольтман, М.А. Леонов, А.А. Максимов, Ф.В. Путинцев, О.В. Трахтенберг. В Красноуфимске для них были подготовлены помещения, но в условиях военной неразберихи эвакуированные сотрудники Института оказались в Алма-Ате. Часть сотрудников – С.И. Новиков, Е.Ф. Помогаева, Л.И. Пульсон – поехали в эвакуацию в Павлодар. В.М. Познер оказался в Уфе, П.С. Трофимов – в Новосибирске, З.В. Смирнова – в Омске. Имущество Института при эвакуации попало в Ташкент. В связи с этим Н.П. Васильев был командирован в Ташкент, чтобы перевезти институтское имущество в Алма-Ату³.

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 102. Л. 33.

² Там же. Д. 104. Л. 44–46.

³ Там же. Л. 37.

В Алма-Ате также оказался бывший директор Института академик В.В. Адоратский. Он жил в неотапливаемом доме, в котором из-за холода мог находиться только на кухне, и кухонный стол служил ему одновременно рабочим местом. Из-за ревматизма Адоратский часто находился в больнице⁴. С 1 декабря 1941 г. он был зачислен на должность и.о. старшего научного сотрудника Института, в результате чего его материальное положение улучшилось⁵. По предложению редактора «Истории философии» Б.Э. Быховского Адоратский стал писать главы для четвертого тома «Истории философии», который, как известно, не был издан.

Директор Института П.Ф. Юдин остался в Москве. Он почти ежедневно выступал с докладами, которые чаще всего проходили в бомбоубежищах и назначались на утреннее время, в которое меньше всего бомбили. Дважды выезжал с докладами на фронт, до которого в тот момент можно было доехать на трамвае. После разгрома немцев под Москвой Юдин в конце декабря – начале января посетил освобождённую Тулу и Ясную Поляну, а также объехал по поручению руководства города Красноуфимск, Свердловск, Горький. В Институте Юдину помогал Б.Г. Сафронов.

Некоторые философы, ранее работавшие в Институте, также находились в Москве на своей основной работе: в аппарате ЦК, в журналах, на философском факультете МГУ. Некоторые были демобилизованы в начале 1942 г. Назревала необходимость сформировать два параллельно работающие отделения Института: Алма-Атинское и Московское. 23 мая 1942 г. П.Ф. Юдин направил обоснование этого предложения начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову⁶. Приказом по Институту от 26 мая 1942 г. эти отделения были сформированы⁷. В состав Алма-Атинского отделения Института вошли находившиеся в эвакуации В.В. Адоратский, З.Я. Белецкий, Э.Я. Кольман, А.А. Максимов, Ф.М. Путинцев, О.В. Трахтенберг. Руководил работой отделения заместитель директора Института В.Ф. Берестнев. По предложению Юдина, для укрепления Московского отделения из эвакуации были вызваны Б.Э. Быховский, М.А. Леонов, З.В. Смирнова. М.А. Леонов был назначен ученым секретарем Института. Работу Московского отделения в 1943 г. возглавлял заместитель директора М.М. Розенталь. По предложению Юдина, Московское отделение также было увеличено за счет преподавателей философского факультета МГУ. Это были В.Ф. Асмус, Б.С. Чернышёв и Г.Г. Андреев. Позже к ним присоединились вернувшиеся с фронта после ранения З.А. Каменский и М.Ф. Овсянников.

В.Ф. Асмус, который в эвакуацию не выезжал, занимался в Институте подготовкой учебника логики. Б.С. Чернышёв был вызван из эвакуации для организации работы на философском факультете МГУ. 3 июля 1942 г. он защитил свою известную работу о софистах и получил степень доктора философских наук. Г.Г. Андреев уже успел повоевать. В октябре 1941 г. он добровольно вступил в народное ополчение. Сначала был рядовым, затем командиром отделения автоматчиков 1-го стрелкового батальона 7-го стрелкового полка 5-й Московской стрелковой дивизии Московской зоны обороны. С октября 1941 г.

⁴ Владимир Викторович Адоратский / Сост. С.Н. Корсаков. М., 2014. С. 37.

⁵ Архив РАН. Д. 102. Л. 36.

⁶ Там же. Д. 108. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 107. Л. 10.

по февраль 1942 г. его батальон занимал оборону под Москвой в районе Воронцовского совхоза на Калужском шоссе. В феврале – декабре 1942 г. Г.Г. Андреев был деканом философского факультета МГУ и одновременно, с мая 1942 г., старшим научным сотрудником Института философии АН СССР. В 1943 г. он был репрессирован. В 1955 г. реабилитирован и вернулся в МГУ.

В Москве было плохо с питанием, здания не отапливались. Сотрудники Института по заданиям Киевского райсовета направлялись на работы по разгрузке дров. Вот характерная примета времени: 9 октября 1942 г. профессор Б.С. Чернышёв должен был явиться для разгрузки дров к 8 часам утра в 12-ю базу Мосгортопа, расположенную в Западном порту в районе Фили⁸.

Во время бомбежек Москвы в здание Института попала бомба, произошел пожар. В пострадавшем здании нельзя было работать. В течение 1942 г. Институт трижды переезжал: в помещения Института энергетики АН СССР, Фундаментальной библиотеки АН СССР, Института Маркса, Энгельса, Ленина⁹. На совещании актива Института в 1942 г. было принято постановление о задачах философской работы в условиях войны. Оно содержало обычные пропагандистские штампы, и вместе с тем в этом постановлении был виден определенный идеологический поворот. Философы решили разоблачать фашистскую фальсификацию истории философии, и при изучении классических философских работ призывалось показывать, что они создавались в борьбе с реакционной идеологией. Ставилась задача «выяснить значение русской философии в развитии великого русского народа и мировой цивилизации»¹⁰.

Алма-Атинское отделение фактически начало свою работу в феврале 1942 г. Связь между Московским и Алма-Атинским отделениями поддерживалась путем переписки.

В 1942 г. в Алма-Ате были подготовлены к печати брошюры на актуальные темы сотрудников Института: Берестнева, Быховского, Кольмана, Максимова, Путинцева. 8 апреля 1942 г. отделение провело заседание к 20-летию выхода статьи Ленина «О значении воинствующего материализма». Сотрудники отправляли свои труды в редакцию журнала «Под знаменем марксизма». И это при том, что на месте не было необходимой литературы для выполнения заданий дирекции. Одновременно сотрудники вели большую пропагандистскую работу по заданиям лекторской группы при ЦК КП(б) Казахстана, причем не только в Алма-Ате. Они выезжали и в другие областные центры Казахстана: Чимкент, Павлодар, Актюбинск. За 1942 год было прочитано 220 лекций и докладов. Их статьи печатались в журнале «Большевик Казахстана», республиканской и областных газетах. Была начата работа по написанию очерков общественной мысли в Казахстане. Сотрудники Института также занимались сбором теплых вещей для красноармейцев¹¹. Консультировали учителей по философии в объеме кандидатского минимума – по их просьбе. Облигации и гонорары сдавали в Фонд обороны.

Некоторые сотрудники Института выходили с инициативными предложениями, которые в тот период не были реализованы, но представляют интерес с позиции сегодняшнего дня. Речь идет в данном случае о Э.Я. Кольмане. Он

⁸ Архив РАН. Л. 12.

⁹ Там же. Д. 111. Л. 9-об.

¹⁰ Там же. Д. 115. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 107. Л. 1.

выполнил задание по созданию учебника логики в связи с введением в средней школе курса логики и психологии. 1 августа 1942 г. он написал начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову о том, наряду с введением логики и психологии в старших классах средней школы, следовало бы ввести и преподавание этики, т. к. аналога «Закона Божия», читавшегося в дореволюционной гимназии, советская школа не создала, а работа пионерской и комсомольской организаций не может заменить знание самого предмета этики¹². 8 декабря 1942 г. в письме на имя заведующего сектором Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Н.Г. Тараканова Кольман выдвинул предложения о развитии философской науки в стране, фактически шедшие в разрез с теми чисто прагматическими установками, которые внедрялись руководством Института. Он писал: «Философская тематика не может по своей природе быть ажурной, ее актуализация не должна пониматься упрощенно, как разменивание на мелкие популярные статьи агитационного характера. Нужно сохранить широкую обстоятельную разработку философских проблем – не только истматовских и специально военных, но и по диалектическому материализму и истории философии, не только антифашистских. В первый период войны на основании имевшихся установок был допущен перегиб, усугубившийся тем, что большое количество кадров ушло в армию, где многие вдобавок используются неправильно»¹³. Не всегда роль Кольмана в истории нашей философии была положительной, но эти его предложения были, безусловно, разумными.

Положение эвакуированных в Алма-Ату сотрудников Института было очень сложным. Приказ о снабжении их по московским нормам не выполнялся. По карточкам не выдавалось ничего, кроме хлеба, а в распределителе почти не бывало никаких продуктов. Большинство эвакуированных были пожилыми и больными людьми, которые вели в основном научную работу, и мало кто из них был в состоянии заниматься преподавательской деятельностью на постоянной основе. На свою зарплату они не имели возможности кормить семью с рынка. Деньги поступали с задержками. По приезду в Алма-Ату они были прикреплены к правительственной столовой и буфету, но с 1 июня их лишили столового пайка. Сотрудники не имели ничего, кроме карточек на хлеб. Кормили их из милости в столовой лётной школы: иногда давали обед, чаще – нет. П.Ф. Юдин как мог пытался исправить эту ситуацию. Он, Кольман и Берестнев неоднократно обращались к казахстанским руководителям, но безрезультатно. 24 августа 1942 г. Юдин написал письмо с просьбой помочь сотрудникам Института на имя первого заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова¹⁴, а 28 июня направил соответствующее письмо первому секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцову¹⁵.

В июне 1942 г. Павлодарская группа эвакуированных сотрудников соединилась с Алма-Атинской. Не приехала вместе с коллегами только Л.И. Пульсон, вышедшая в Павлодаре замуж. Жить в Алма-Ате стало ещё труднее. Голодно. Вновь приехавших негде было размещать, и кое-кому приходилось ночевать прямо в институтском рабочем кабинете.

¹² Архив РАН. Д. 108. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 111. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 108. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 117. Л. 16.

В.Ф. Берестнев вернулся в Москву в октябре 1942 г. возглавлять аспирантуру Института¹⁶. Руководить Алма-Атинским отделением остался Э.Я. Кольман. 17 февраля 1943 г. было принято решение о возвращении из Алма-Аты в Москву сотрудников Института. Уехали З.Я. Белецкий, Э.Я. Кольман, Н.М. Одинцова, Е.Ф. Помогаева, Ф.М. Путинцев, П.С. Трофимов¹⁷. 27 апреля 1943 г. сотрудники прибыли в Москву. Алма-Атинское отделение Института прекратило свое существование. Стала налаживаться обычная рабочая жизнь Института. 30 сентября 1943 г. были проведены вступительные экзамены в институтскую аспирантуру¹⁸.

Научная работа Института

Из-за войны Институт сократился до 30 сотрудников. Ряд секторов были фактически ликвидированы или серьезно ослаблены. Руководство Института ставило вопрос о реэвакуации сотрудников и увеличении штатной численности. Реэвакуация состоялась¹⁹. 4 мая 1943 г. Институту было дополнительно выделено одиннадцать штатных единиц²⁰.

П.Ф. Юдин чутко чувствовал изменения идеологических настроений наверху и стремился, чтобы Институт шел в фарватере социального заказа. В этом направлении менялась и структура Института.

15 декабря 1942 г. на дирекции было принято решение о ликвидации антирелигиозного сектора и создании сектора истории естествознания²¹. 12 января 1943 г. заведующим сектором был назначен А.А. Максимов. Интересно, что еще 19 августа 1941 г., т. е. до образования сектора, А.А. Максимова было поручено разрабатывать вопросы истории русского естествознания²². В этом проявилась тенденция к изучению истории собственной науки и философии, которая приобрела гипертрофированные формы в послевоенные годы. 8 июня 1943 г. А.А. Максимов выступил в Институте с докладом «Мировоззрение представителей русской физической школы»²³. Ему и его сектору была поставлена задача создать «Очерки по истории естествознания в России»²⁴. Несмотря на то, что «Очерки» не были готовы к намеченному сроку (июль 1943 г.) и вышли в 1947 г., в ходе их подготовки проводилась серьезная исследовательская работа. В Институте были сделаны доклады Т.И. Райнова «История науки в России в XVIII веке» и З.А. Цейтлина «Борьба вокруг Ломоносова на Западе и в России»²⁵. В 1944 г. М.Э. Омеляновский защитил в Институте докторскую диссертацию²⁶. В 1942 г. при наступлении немцев он вышел пешком из Воронежа, где заведовал кафедрой философии в химико-технологическом институте,

¹⁶ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 119. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 119. Л. 6.

¹⁹ Вновь не был принят П.Ф. Юдиным на работу в Институт только С.И. Новиков.

²⁰ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 112. Л. 7

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Д. 105. Л. 1.

²³ Там же. Д. 122. Л. 8.

²⁴ Там же. Д. 122. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 152.

²⁶ Там же. Л. 105–136.

унося в мешке свою не защищенную еще диссертацию²⁷. В 1944 г. дирекция Института обратилась со специальным письмом на имя Г.М. Маленкова, где просила отозвать М.Э. Омеляновского из Воронежа для работы в Институте²⁸. 10 февраля 1945 г. сектор истории естествознания был преобразован в сектор философии естествознания, а А.А. Максимова в должности заведующего сменил С.И. Вавилов²⁹. Причем С.И. Вавилов не был декоративной фигурой. Он действительно работал. Сохранился его доклад о работе сектора на заседании ученого совета Института³⁰. После выдвижения С.И. Вавилова на пост Президента АН СССР работой сектора руководил в должности заместителя заведующего Б.М. Кедров. Вскоре Б.М. Кедров защитил в Институте диссертацию об атомистике Дальтона, В.И. Свидерский о проблеме пространства и времени в квантовой теории. В секторе начали работать новые сотрудники, расширилась тематика, включившая вопросы философии химии и биологии. Сектор плодотворно сотрудничал с Институтом истории естествознания АН СССР. Успешно прошла юбилейная сессия, посвященная вопросам науки и естествознания в творчестве Лейбница. Вообще говоря, сектор философских проблем естествознания можно поставить в пример другим секторам Института во внимании к собственной истории. В помещении сектора можно увидеть фотопортреты известных сотрудников прежних лет. Хочется пожелать успеха А.Ю. Севальникову и его коллегам в деле изучения истории нашей философии естествознания.

25 июля 1945 г. приказом дирекции в Институте была создана группа эстетики. Руководителем группы был назначен В.С. Кеменов³¹. 30 ноября 1945 г. была создана группа по истории общественных учений во главе с М.П. Баскиным³².

Наиболее значительными событиями в научной жизни Института военных лет были защита докторской диссертации Г. Лукачем, выход в свет третьего тома «Истории философии» и обсуждение учебников логики В.Ф. Асмуса и Э.Я. Кольмана.

6 марта 1942 г. П.Ф. Юдин писал сотрудникам Алма-Атинского отделения о необходимости усилить работу над третьим томом «Истории философии»³³. В письме Алма-Атинскому отделению от 2 июня 1942 г. директор Института Юдин подверг его сотрудников критике за пассивность в подготовке и отправке в Москву научной продукции³⁴. Он потребовал установить строгие календарные сроки, поскольку под срывом оказалась сдача в набор третьего тома «Истории философии», притом, что в том же году планировалось издавать и четвертый том. Главное, чего требовал директор от сотрудников, это отправка для публикации брошюр на антифашистские темы и по истории русской философии. В ответном письме В.Ф. Берестнев объяснял задержку трудными условиями жизни в эвакуации и большой загруженностью пропагандистской работой по заданию республиканских партийных органов³⁵.

²⁷ Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 167.

²⁸ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 160. Л. 5.

³⁰ Там же. Д. 177. Л. 58–118.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же. Л. 20.

³³ Там же. Д. 117. Л. 5.

³⁴ Там же. Д. 117. Л. 13–15.

³⁵ Архив РАН. Л. 25.

В течение 1942 г. сотрудники Института готовили к печати третий том «Истории философии». Но издательский экземпляр тома был утерян. Статьи заново были отправлены из Алма-Аты. Редактор тома Б.Э. Быховский в январе-феврале 1942 г. выезжал по делам в Куйбышев, куда были эвакуированы центральные учреждения. После этого он был досрочно вызван из эвакуации в Москву, чтобы закончить работу над томом. 20 августа 1942 г. третий том «Истории философии» был сдан в производство³⁶. Он вышел в 1943 г. Началась работа над четвертым и шестым томами (о марксистской и о русской философии). В частности, был подготовлен план-проспект тома по русской философии³⁷. К концу года была закончена предварительная работа, и 28 декабря 1943 г. Б.Э. Быховский выступил с развернутым обоснованием принципов построения и состава шестого тома³⁸. Надо сказать, что обоснование это изобиловало приблизительными утверждениями и натяжками, вызванными идеологическими причинами. Правда, когда в 1944 г. Б.Э. Быховского сменил в должности заведующего сектором истории философии Г.С. Васецкий, занимавшийся как раз русской философией, степень научности разработки проблем русской философии выше не стала.

19 января 1943 г. ученый совет Института принял решение выдвинуть три тома «Истории философии» на соискание Сталинской премии³⁹. В подготовленном для Комитета по Сталинским премиям обосновании подчеркивалось, что представляемая работа всецело основана на изучении первоисточников и является наиболее фундаментальной работой по философии, выполненной в стране за последнее время. В числе малоизученных тем, которые получили освещение на страницах «Истории философии», были названы римская философия, патристика и схоластика, средневековая арабская и еврейская философия, Кембриджская и Шотландская школы и английская этика XVIII в., американское Просвещение, итальянская, датская и американская философия первой половины XIX в. Указывалось и на то, что в третьем томе осуществлен анализ реакционных философских учений, послуживших одним из источников фашистской идеологии. К получению Сталинской премии были представлены ответственные редакторы издания Г.Ф. Александров, Б.Э. Быховский, М.Б. Митин и П.Ф. Юдин и основные авторы: В.Ф. Асмус, О.В. Трахтенберг и Б.С. Чернышев⁴⁰.

Всем им Сталинская премия была присуждена. Помимо этого, приказом по Институту от 22 декабря 1943 г. за успешную работу над шестым томом «Истории философии», посвященном русской философии (том этот так и не вышел), В.Ф. Асмус был премирован в размере 900 рублей, а З.А. Каменский, чья кандидатура на Сталинскую премию не выдвигалась, – в размере 700 рублей⁴¹. Сталинскую премию за главы в «серой лошади» получил также М.А. Дынник. Он работал в Институте в 1928–1930 гг., затем преподавал в МГУ и МИФЛИ, а в 1941–1943 гг. находился в эвакуации в Свердловске. В июне 1943 г. он вернулся к работе в Институте философии АН СССР⁴². Лауреатом стал и М.М. Григорьян, находившийся в то время на фронте.

³⁶ Архив РАН. Д. 111. Л. 4; Д. 112. Л. 2-об.

³⁷ Там же. Д. 122. Л. 23, 26–26-об.; 46–46-об; Д. 141. Л. 13; Д. 152. Л. 84–104.

³⁸ Там же. Д. 131. Л. 75–84.

³⁹ Там же. Д. 125. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 2–3.

⁴¹ Там же. Д. 119. Л. 8.

⁴² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 348345.

Возобновились защиты диссертаций. 3 июля 1942 г. Б.С. Чернышёв, со-вмещавший работу в Институте и на философском факультете МГУ, защитил в ученом совете МГУ докторскую диссертацию «Софисты». 13 мая 1943 г. в Институте прошла защита кандидатской диссертации П.В. Таванца «Классификация умозаключений».

П.Ф. Юдин ставил перед сотрудниками задачу изучить те особенности идеологического развития Германии, и, в частности, истории немецкой философии на протяжении полувека, которые привели к формированию фашистской идеологии⁴³. Д. Лукач, находившийся в эвакуации в Ташкенте, выслал 18 февраля 1942 г. Быховскому в Алма-Ату статью «Идейные корни фашизма»⁴⁴. Академик В.В. Адоратский перевел статью с немецкого и внимательно ознакомился с ней. В июне 1942 г. Г. Лукач вернулся в Москву и был восстановлен в штате Института. 8 июля 1942 г. В.В. Адоратский написал Г. Лукачу в Москву письмо, в котором высоко оценил эту статью, и советовал дополнить ее и издать книгу. Одновременно В.В. Адоратский написал о том же Юдину⁴⁵. Впоследствии Лукачем была издана известная книга «Разрушение разума» об эволюции иррационалистической философии в Германии от Шеллинга до Гитлера.

В декабре 1942 г. состоялась защита докторской диссертации Г. Лукача «Молодой Гегель». Институт к тому времени вернулся на Волхонку, 14, и защита прошла в конференц-зале Института. Оппонентами на защите были В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский и, заочно, Э.Я. Кольман⁴⁶. В диссертации Лукач исследовал влияние успехов Просвещения и трагедии Великой Французской революции на гегелевскую философию. Диссертация была проникнута историзмом. Лукачу важно было понять, как отражалось в формировании гегелевской диалектики познание противоречивости становящегося капитализма.

Б.Э. Быховский отметил, что диссертант продемонстрировал свободное владение богатствами философской культуры и рассмотрел тему сразу во множестве контекстов.

В своем обстоятельном отзыве В.Ф. Асмус оценил диссертацию Г. Лукача как оригинальное исследование становления гегелевского историзма и диалектики. Из диссертации Лукача становится ясным, говорилось в отзыве, что даже в ранний период творчества, когда сам Гегель считал себя учеником и последователем Шеллинга, гегелевское понимание соотношения формальной логики и диалектики стояло на более высокой ступени, чем у Шеллинга. В конечном счете в философии Шеллинга возобладали мистические тенденции, что привело его к антиисторизму. Лукач устанавливает заслугу Гегеля в том, что противоречивость существования впервые была осознана как центральная проблема философии. Он критикует французского неогегельянца Ж. Валя, пытавшегося искать точки соприкосновения у Гегеля с Кьеркегором: религия имеет неадекватный характер для выражения объективных категорий диалектики. «Таких книг в советской историко-философской литературе нет, но они должны быть», – заключил В.Ф. Асмус.

Несмотря на сложности, сотрудники Московского и Алма-Атинского отделений Института продолжали выполнять свой служебный и патриотический долг. С апреля 1942 г. в Москве и с октября 1942 г. в Алма-Ате был возобнов-

⁴³ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 117. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 17.

⁴⁵ Там же. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Д. 118.

лен прием кандидатских экзаменов⁴⁷. В 1941 г. начал работу над учебником логики В.Ф. Асмус. В феврале 1942 г. была готова рукопись учебника логики Э.Я. Кольмана, которая активно обсуждалась в отделении. Свой курс логики Кольман опробовал на занятиях в Казахском государственном университете. После воссоединения отделений 31 мая и 11 июня 1943 г. в Институте состоялись специальные заседания всего состава сотрудников, посвященные обсуждению учебников логики Асмуса и Кольмана⁴⁸. Асмус и Кольман выступили с докладами. В ходе обсуждения было решено доработать оба учебника. Опубликованы книги были уже после войны.

16 августа 1943 г. дирекция приняла решение регулярно издавать ученые записки Института⁴⁹. 3 ноября 1944 г. был обсужден примерный план первого тома. Намечено, что ответственным редактором должен быть директор Института, редколлегией – дирекция, материалы должны были проходить через обсуждение в секторах⁵⁰. К 19 июля 1945 г. первый том был подготовлен к печати⁵¹. В 1946 г. он вышел под названием «Философские записки». Всего в 1943–1953 гг. вышло шесть томов «Философских записок».

Политические репрессии и смена руководства Института

В 1943 г. секретарь парткома Института философии З.Я. Белецкий подвергся ожесточенной критике за свои малонаучные взгляды. Он был вынужден уйти из Института в МГУ. 27 января 1944 г. З.Я. Белецкий написал И.В. Сталину письмо о «серьезных ошибках в освещении немецкой философии» в изданном Институтом третьем томе «Истории философии». З.Я. Белецкий доказывал бредовый тезис о том, что немецкая классическая философия не один из источников марксизма, а аристократическая реакция на Великую французскую революцию. Напомнил он и о националистических воззрениях классиков немецкой философии. «Нам не удастся всего необходимого, если 3-й том “Истории философии” сохранится как обязательный учебник по истории философии, если останутся прежние программы и, наконец, если сохранится прежний стиль работы философского руководства», – писал З.Я. Белецкий Сталину⁵². Сталин считал, что Белецкий хотя и не отличается философской квалифицированностью, но обладает верным политическим чутьем. Он поддержал Белецкого.

Г.Ф. Александров, претендовавший на руководящую роль в советской философии, решил воспользоваться ситуацией и отвести удар от себя. Несмотря на то, что Г.Ф. Александров сам был членом редколлегии «Истории философии», ему удалось направить огонь критики в адрес М.Б. Митина и П.Ф. Юдина на прошедших в феврале – марте 1944 г. совещаниях по этому вопросу в ЦК ВКП(б)⁵³. Было решено снять Сталинскую премию с третьего тома «Истории

⁴⁷ Архив РАН. Д. 107. Л. 7, 9.

⁴⁸ Там же. Д. 126.

⁴⁹ Там же. Д. 122. Л. 25.

⁵⁰ Там же. Д. 141. Л. 32.

⁵¹ Там же. Д. 178. Л. 62.

⁵² Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007. С. 107.

⁵³ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопр. философии. 1993. № 2. С. 83–106.

философии». 1 мая 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о третьем томе «Истории философии», которое было опубликовано во всех журналах, подведомственных Управлению пропаганды и агитации ЦК, возглавлявшемуся Г.Ф. Александровым. 8 мая 1944 г. П.Ф. Юдин был освобожден от должности директора Института философии АН СССР с формулировкой: «Институт философии работает неудовлетворительно». М.Б. Митин перестал быть главным редактором журнала «Под знаменем марксизма» и директором Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП(б). Их места заняли ставленники Г.Ф. Александрова.

Суть событий 1944 года не столько в снятии Сталинской премии с третьего тома «Истории философии». Это лишь верхушка айсберга. Анализ всей совокупности источников показывает, что в 1944 г. произошла смена философского руководства: группу Митина сменила группа Александрова.

Смена философского руководства в 1944 г. была подготовлена арестом и репрессированием в 1943 г. шести сотрудников Института – сторонников Митина. Вопрос этот заслуживает специального исследования. Здесь же мы пока ограничимся пунктирным изложением событий.

Поворот политики Сталина в сторону построения великой державы и подъема русского патриотизма привел к падению влияния Митина и его сторонников. На первый план выдвинулся Г.Ф. Александров и его группа. Г.Ф. Александров понимал, что нанести поражение группе Митина в специфической системе сталинского общества невозможно без создания группового политически-уголовного дела, в котором его противники оказались бы замешанными. Он к тому времени пользовался в ЦК влиянием, достаточным для того, чтобы руководители органов госбезопасности пошли ему навстречу в этом вопросе.

В результате в 1943 г. было арестовано несколько сторонников Митина из числа сотрудников Института, находившихся к тому времени в армии. До ареста ключевых фигур – Митина и Юдина – дело не дошло, поскольку само это «дело» имело «инициативный» характер. Вождь ареста этих фигур не заказывал. Самостоятельно органы таких крупных работников арестовывать не могли. Но в том, чтобы отчитаться о разоблачении очередной «антисоветской» группы, были всегда заинтересованы. Теперь Г.Ф. Александров мог использовать арест сторонников М.Б. Митина в своей борьбе за власть.

Кто и почему оказался жертвой этой провокации? Наиболее ожесточенная борьба между группами Митина и Александрова проходила по историко-философским темам, поскольку Александров считался специалистом в области общей теории историко-философского процесса. А местом, где эта борьба разворачивалась, была редакция журнала «Под знаменем марксизма». Под удар попали заведующие отделами истории философии и критики и библиографии журнала Е.П. Ситковский и С.С. Пичугин, публиковавшие критические рецензии на книги Г.Ф. Александрова, сотрудники Института – историки философии Б.Ю. Сливкер, М.П. Лебедев, И.М. Кулагин, а также бывший заместитель директора Института Ф.А. Горохов.

Поражение группы Митина–Юдина было подготовлено по классическим рецептам сталинской эпохи. Ф.А. Горохов, И.М. Кулагин, М.П. Лебедев, С.С. Пичугин, Е.П. Ситковский, Б.Ю. Сливкер и «загремевшие» с ними по одному делу армейские политработники, философы А.И. Иванов и В.М. Со-

ловьев, были в 1943 г. арестованы. На допросах от них добивались признаний в том, что их критика статей Александрова носила антисоветский характер, и принуждали дать показания против Митина и Юдина⁵⁴. Все члены этой группы в 1944 г. были осуждены и получили длительные сроки заключения⁵⁵.

После этого Александрову и удалось добиться кадровых решений, согласных которым посты директоров Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП(б), Института философии АН СССР и главного редактора журнала «Под знаменем марксизма» заняли его сторонники В.С. Кружков, В.И. Светлов и М.Т. Иовчук, а Митин и Юдин были с этих должностей смещены. Официальной санкцией на произошедшие изменения стало постановление ЦК ВКП(б) о снятии Сталинской премии с третьего тома «Истории философии» и необходимости повысить внимание к истории русской философии, которое Александров сумел использовать против своих противников.

На открытом партсобрании в Институте философии АН СССР 28 июня 1944 г., посвященном «вопросу о недостатках научной работы в области философии», новый директор Института В.И. Светлов выступил с разгромным докладом и объявил третий том «серой лошади» «недоброкачественным»⁵⁶. Не стоит даже приводить его «аргументацию». Он просто повторял извращенную оценку немецкой классической философии, сочиненную Белецким и Сталиным. Во всех ошибках В.И. Светлов обвинил Б.Э. Быховского, снятого с должности заведующего сектором истории философии.

Б.Э. Быховский был человеком опытным, знал все правила ритуального поведения на собраниях по критике и самокритике сталинского времени. Он каялся, попутно придавая спущенным сверху нелепым обвинениям в его адрес хоть сколько-нибудь убедительную форму. Каялся и просил не отлучать от работы. Б.С. Чернышёв, написавший в III томе о логике Гегеля, напротив, всерьез воспринял эту идеологическую коллизию, оправдывался, пытался защищаться, перенервничал и через месяц безвременно скончался.

Война закончилась. 10 мая 1945 г. директор В.И. Светлов направил в ЦК список из 27 человек – философов, находящихся в армии, и просил демобилизовать их для работы в Институте⁵⁷. По особо нужным кадрам директор посылал в ЦК персональные запросы. В частности, он ходатайствовал о возвращении в Институт Б.М. Кедрова⁵⁸ и А.А. Макаровского⁵⁹. В возвращении из армии были свои трудности, не всех военные начальники хотели отпускать. Л.А. Когана вообще демобилизовали только в 1956 г. 27 сентября 1945 г. В.И. Светлов повторно написал в ЦК записку об откомандировании философов в Институт⁶⁰. Институт разворачивал свою работу в мирных условиях. Сотрудников ждали новые успехи и трудности. Но они уже были иного характера, нежели в годы войны.

⁵⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5844.

⁵⁵ Двое из них умерли в лагере, двое остались инвалидами, а один, вернувшись в Москву, обнаружил, что его жена сошла с ума и помещена в психиатрическую больницу, а жилплощадь занята другими людьми.

⁵⁶ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 146.

⁵⁷ Там же. Д. 161. Л. 11–13.

⁵⁸ Там же. Л. 10-10-об.

⁵⁹ Там же. Л. 28.

⁶⁰ Там же. Л. 32–34.

Список литературы

- Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 102.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 104.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 105.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 107.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 108.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 111.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 112.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 115.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 117.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 118.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 119.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 122.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 125.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 126.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 131.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 137.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 141.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 146.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 152.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 160.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 161.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 177.
Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 178.
Владимир Викторович Адоратский / Сост. С.Н. Корсаков. М.: Наука, 2014. 86 с.
Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопр. философии. 1993. № 2. С. 83–106.
Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М.: ОЛМА, 2007. 383 с.
Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 348345.
Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5844.
Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. 254 с.

The Institute of Philosophy and the Great Patriotic War*Sergey Korsakov*

DSc in Philosophy, Assoc. Prof., Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

The article tells about the everyday life of the Institute in the time of War, about the scientific work of philosophers, political repression and the change of leadership of the Institute. During the Great Patriotic War the Institute of Philosophy was divided into Moscow and Almaty offices. Most of the staff was evacuated. All employees continued to work, focusing on military issues. The most significant events of the academic life of the Institute war years were the doctoral thesis of G. Lukács, the publication of volume III of the “History of Philosophy” and the discussion of the logic textbooks by V.F. Asmus and E.J. Colman.

In 1944 there was a change of leadership of the Institute: the supporters of G.F. Alexandrov have replaced the supporters of M.B. Mitin. For this cause G.F. Alexandrov has used the letter from Z.Y. Beletsky about the third volume of the “History of Philosophy”. One of the important elements of the Institute’s change of leadership was the arrest of some of the Institute members – the supporters of Mitin.

Keywords: Soviet philosophy, the Great Patriotic war, the Institute of Philosophy, Stalinism

References

- Arhiv RAN. F.* [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 102. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 104. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 105. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 107. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 108. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 111. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 112. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 115. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 117. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 118. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 119. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 122. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 125. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 126. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 131. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 137. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 141. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 146. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 152. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 160. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 161. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 177. (In Russian)
Arhiv RAN. F. [RAS Archive. F.] 1922. Op. 1. D. 178. (In Russian)
 Esakov, V.D. “K istorii filosofskoj diskussii 1947 goda” [The history of philosophical discussions 1947], *Voprosy filosofii*, 1993, no 2, pp. 83–106. (In Russian)
Filosofiya i soziologiya nauki i tehniki [Philosophy and sociology of science and technology]. Yearbook. 1984–1985. Moscow: Nauka Publ., 1986. 254 pp. (In Russian)
 Kosichev, A.D. *Filosofiya. Vremya. Ludi.* [Philosophy. Time. People] Moscow: OLMA Publ., 2007. 383 pp. (In Russian)
Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv sozialno-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Op. 100. D. 348345. (In Russian)
Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv sozialno-politicheskoj istorii. [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Op. 100. D. 5844. (In Russian)
 “Uchetnaya kartochka chlena KPSS № 03078588 (1973)” [Record-card of the CPSU-member № 03078588 (1973)], *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv sozialno-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. (In Russian)
Vladimir Viktorovich Adoratskij [Vladimir V. Adoratsky], compiled by S.N. Korsakov. Moscow: Nauka Publ., 2014. 86 pp. (In Russian)